

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОБЛЕМЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1964—1966 гг.

К. Ф. ШАЦИЛЛО

Полувековой юбилей первой мировой войны обнаружил недостаточную разработанность ряда важных проблем истории этого вопроса. В специальном библиографическом приложении «Военно-исторические труды советских авторов» Д. В. Вержховский и В. Ф. Ляхов («Первая мировая война 1914—1918 гг.», М., 1964, стр. 302) смогли указать всего лишь две работы, изданные за последние 15 лет, — посвященную отдельной операции, небольшую по объему книжку А. Пухова «Моонзундское сражение», Л., 1957) и книгу Г. И. Шигалина «Военная экономика в первую мировую войну» (изд. 2-е, М., 1956). За 15 лет плодотворно исследовались проблемы внешней политики России — достаточно указать фундаментальную работу В. М. Хвостова «История дипломатии», т. II (М., 1963) и социально-экономической истории (А. Л. Сидоров. «Финансовое положение России в годы первой мировой войны. 1914—1917», М., 1960 и ряд работ других авторов).

Что же было издано в связи с 50-летием мировой войны? Свой обзор мы начнем с литературы по истории внешней политики накануне и в годы первой мировой войны. А. М. Зайончковский справедливо считал, что «непосредственным началом мировой катастрофы поистине следует признать 1908 год»¹. Это мнение разделяет К. Б. Виноградов — автор книги «Боснийский кризис 1908—1909 гг. Пролог мировой войны», Л., 1964. Используя многотомные официальные публикации дипломатических документов и частично советские архивы, он обстоятельно осветил почти все аспекты темы: роль Австро-Венгрии — главной виновницы Боснийского кризиса, поставившего Европу на грань войны, ее агрессивную политику на Балканах, шовинизм австрийских и венгерских магнатов, угнетавших славянские народы, их стремление к экспансии. Вскрыты интриги германского империализма, который стоял за спиной Вены.

Однако, и это наш основной упрек, в монографии, как и в ряде других работ, изданных за последние 25—30 лет, история внешней политики сводится к «чистой» дипломатии, превращается, по замечанию Тэйлора, в повествование о том, «что один клерк сказал другому»². В таких работах дипломатические планы существуют сами по себе, вне обеспечения их вооруженными силами. В работе К. Б. Виноградова нет ссылок на военный и на военно-морской архивы, и это тем более странно, что теперь сняты все препятствия на пути историка, делавшие в 30—40-е годы

¹ А. М. Зайончковский. Подготовка России к мировой войне в международном отношении, М., 1926, стр. 151.

² А. Дж. П. Тэйлор. Борьба за господство в Европе. 1848—1918, М., 1957, стр. 576.

затруднительным полное освещение некоторых сторон внешней политики. В результате точного изображения пролога мировой войны у автора не получилось — Боснийский кризис показан только со стороны участия нем Австро-Венгрии. Политика России, предшествующая Боснийскому кризису, в книге К. Б. Виноградова не нашла освещения.

Материалы сухопутного и морского генеральных штабов позволяю избежать представления о Боснийском кризисе, как о результате ловкого обмана одного министра иностранных дел другим, показать его как подлинный пролог мировой войны.

Кризис в 1908 г. из-за аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией был одним из проявлений империалистических противоречий в начале XX в. Каждое из таких противоречий могло стать, а иногда и становилось, шагом на пути к мировой войне, шагом, равным по значению Боснийскому кризису.

За год до кризиса царизм решил приступить к подготовке вооруженных сил к «активным действиям». Помимо агрессивных внешнеполитических планов, царизм подталкивали к этому соображения внутриполитические. К лету 1907 г. в стране удалось подавить революцию. Правящие круги начали серьезно подумывать о возможности «возродить обаяние русского имени», как поэтически-вдохновенно выразился начальник Генерального штаба в докладе царю, предлагая начать подготовку к войне с Турцией³.

Цель подобной политики была определена одной из иностранных газет, которую процитировал В. И. Ленин: «Правящие круги России хотят попытаться укрепить свое положение старыми средствами, именно: насильственным подавлением освободительного движения внутри и отвлечением народного внимания от печального внутреннего положения посредством пробуждения чувств национализма, посредством создания дипломатических конфликтов, которые неизвестно чем могут кончиться»⁴.

После поражения на Дальнем Востоке, деления с Англией сфер влияния в Средней Азии, арена для создания «дипломатических конфликтов» была ограничена Ближним Востоком и Балканами. Именно сюда, в район прсливов и устремил царизм свои взгляды. Уже в сентябре 1907 г. Извольский при встрече в Вене с Эренталем завел речь об изменении режима плавания в проливах. Почти одновременно были приняты меры для подготовки армии и флота к активизации внешней политики⁵. Для вмешательства в ближневосточные дела начальник Генерального штаба Палицын предлагал использовать спор между Турцией и Персией из-за двух пограничных округов, захваченных турками осенью 1905 г. в северном районе Персии — признанной Англией сфере влияния России. Это обстоятельство в сочетании с туманными посулами Англии об учете русских интересов в проливах⁶ и повело к выработке далеко идущих планов Генерального штаба. В докладе Николаю II 29 декабря 1907 г. Палицын предлагал царю «возвысить свой голос и потребовать очищения турками захваченной территории»⁷. Ультиматум следует предъявить Турции после скрытно произведенной частной мобилизации двух армейских корпусов и переброски их на Кавказ. Палицын предлагал рассматривать его «как первый акт подготовки к войне». Приз был определен заранее: «Нам нужен Босфор... Нам нужен свободный выход в Средиземное море — Дарданеллы... Попутно с этим должны быть решены и судьбы

³ ЦГВИА, Главное управление Генерального штаба, ф. 2000, оп. 1, д. 147, л. 21. Всеподданнейший доклад ген. Палицына от 29 декабря 1907 г.

⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 16, стр. 415.

⁵ В. М. Хвостов. Указ. соч., стр. 640—641; ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 146, л. 12. Письмо ген. Палицына ген. Эверту от 3 февраля 1908 г.

⁶ См. А. Дж. П. Тэйлор. Указ. соч., стр. 450.

⁷ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 147, л. 21—27.

Македонии»⁸. 8 января 1908 г. царь утвердил доклад со следующей резолюцией: «Принципиально одобряю с внесением поправок в связи с изменившимися уже условиями»⁹. План обсуждался 21 января 1908 г. на совещании под председательством П. А. Столыпина¹⁰, где, как известно, четко выявились две точки зрения. За активную политику на Ближнем Востоке выступили министр иностранных дел А. П. Извольский и начальник Генерального штаба Палицын. При нерешительной позиции, утверждал Извольский, «мы выйдем из будущего политического кризиса уменьшенными, не будем больше великой державой»¹¹. Игнорируя имевшиеся в МИД точные сведения о том, что Англия выступит в вопросе о проливах против России, Извольский предпочел принять на веру неопределенные намеки, которые расточались английской стороной при выработке англо-русского соглашения летом 1907 г. Результаты политики России на Ближнем Востоке и на Балканах показали, как жестоко ошибался Извольский! Но разве не те же ошибочные расчеты А. П. Извольского «скомбинировать совместные, военного характера»¹² меры с Англией привели Россию к поражению во время Боснийского кризиса? Все остальные участники совещания разделяли мнение Столыпина: «Новая мобилизация придала бы силы революции... в настоящее время никакая мобилизация ни под каким видом невозможна (подчеркнуто нами. — К. Ш. »)¹³. Дальнейшие события показали, что заявление Столыпина не стало окончательным. Впоследствии сам Столыпин под влиянием каких-то причин высказался сначала за всеобщую, а затем и за частную мобилизацию в случае войны с Турцией («Мне пришлось произвести значительное усилие мысли»¹⁴, — жаловался он).

Через неделю после совещания под председательством Столыпина собралось заседание СГО¹⁵. Палицын требовал в случае войны с Турцией объявлять не всеобщую, а частную мобилизацию. Большинство же участников совещания (в том числе и Столыпин) высказалось за проведение всеобщей мобилизации. Вскоре Столыпин сделал еще один шаг навстречу требованиям военных кругов. В письме к председателю СГО вел. кн. Николаю Николаевичу от 14 февраля 1908 г. он предложил пересмотреть решения, принятые 29 января: «1) Россия при настоящих обстоятельствах должна избегать войны, пока не будет задето ее достоинство (подчеркнуто нами. — К. Ш.)»¹⁶. Это расплывчатое положение отличалось от прежних заявлений. Кроме того, Столыпин теперь высказывался за частную мобилизацию и предлагал просить разрешения царя пересмотреть утвержденный им журнал СГО от 29 января. С согласия Николая II 25 февраля 1908 г. состоялось третье совещание¹⁷, обсудившее перспективы внешней политики. Оно дает ключ к раскрытию политики России накануне и во время Боснийского кризиса

⁸ Там же.

⁹ Там же, л. 21.

¹⁰ Протокол совещания опубликован М. Н. Покровским. «Вестник НКВД», М., 1919, № 1.

¹¹ Там же, стр. 21.

¹² Там же, стр. 25.

¹³ Там же, стр. 25.

¹⁴ ЦГВИА, ф. Главного штаба 400, оп. 290, д. 130277, л. 9. Журнал Совета государственной обороны (далее СГО) по вопросу о пересмотре высочайше утвержденного постановления СГО относительно порядка мобилизации на случай войны с Турцией 25 февраля 1908 г.

¹⁵ Нам не удалось найти его журнал ни в ЦГВИА, ни в ЦГАБМФ. Решение, принятое на этом заседании, опубликовано М. Н. Покровским. См. «Вестник НКВД», 1919, № 1. Особое мнение начальника Генерального штаба, приложенное к этому журналу, см. в ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 146, л. 9—10.

¹⁶ ЦГВИА, ф. 830, оп. 1, д. 137, л. 2.

¹⁷ Там же, ф. 400, оп. 290, д. 130277, л. 3—17. Участниками совещания, помимо военного и морского министра, начальников обоих генеральных штабов и других членов СГО, были Извольский и Столыпин.

и позволяет понять, что значил для царизма этот кризис. Извольский изложил программу, осуществление которой впоследствии привело его в Бухлау и к отставке, а страну поставило на грань войны в период Боснийского кризиса. По его мнению, в случае войны на Балканах и перевеса одной из сторон, России придется действовать в союзе с Австро-Венгрией, ибо «если мы определим ясно, что нужно нам и что нужно Австрии, то всегда представляется возможным сговориться». Особенно отрадным Извольскому казалось то, что, «в случае столкновения с Турцией, мы в первый раз за всю нашу историю не будем иметь против себя Англии и ее флота»¹⁸.

Выступление Извольского о «невероятности» нападения Турции придало иной характер прениям. Вместо ожидания нападения Турции на Россию, как указывал начальник Генерального штаба, «нам надо опять приняться за работу, над которой трудились пятнадцать лет, т. е. поставить прочно вопрос о десантных операциях на Черном море»¹⁹. Вел. кн. Николай Николаевич заявил, что, в случае вынужденного вмешательства России в столкновение на Балканах, «мы должны во что бы то ни стало разбить Турцию, победа должна быть полной и целью войны должен быть Константинополь». Ему вторил Столыпин²⁰. Совет государственной обороны принял единодушное решение, предусматривавшее, «что в случае войны с Турцией должна быть произведена не общая, а частная мобилизация войск Европейской России»²¹, а также мобилизация Черноморского и Балтийского флотов²². Начальникам морского и сухопутного генеральных штабов предлагалось «разработать план войны с Турцией и составить вытекающие из этого плана соображения о производстве мобилизации и внести означенные план и соображения на рассмотрение Совета государственной обороны. В основу этого плана принять следующие положения: а) нейтралитет со стороны Австро-Венгрии и Румынии, б) доброжелательные отношения со стороны Англии, в) возможность осложнений в Финляндии, г) вероятность совместных действий с Болгарией, д) главный театр войны — Европейская Турция, е) приведение нашей армии на военное положение не должно заключать в себе таких мероприятий, которым может быть придан характер подготовки к войне против Германии и Австро-Венгрии»²³. 18 марта 1908 г. журнал Совета государственной обороны был утвержден царем. Морской и сухопутный генеральные штабы начали совместную разработку планов «на случай возможных осложнений с Турцией, результатом чего последовало высочайшее утверждение плана войны на Черном море на 1908 г.»²⁴, а Совет Министров согласился отпустить 13,6 млн. руб. на пополнение запасов военному и морскому ведомству²⁵. Таковы были

¹⁸ Там же, л. 14. В действительности, после аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины Англия открыто выступила против планов России, одобренных (иногда лицемерно, в расчете на английское сопротивление) всеми остальными державами. «Турецкое правительство, — доносил 26 сентября 1908 г. Николаю II временно управляющий МИД Чарыков после разговора с Турхан-пашою, — не возражает против русской формулы открытия проливов и даже просит нас уговорить Англию и Францию изъявить согласие на принимаемые Портою основания, включая формулу о проливах, для работы конференции (послов в Лондоне. — К. Ш.)... Есть основания надеяться, что сегодня сделан новый крупный шаг по пути мирного разрешения этого векового вопроса». «Давай бог», — написал царь на этом докладе. (АВПр, ф. Канцелярии МИД, 1908 г., д. 43, л. 173).

¹⁹ Там же, л. 15.

²⁰ Там же, л. 9.

²¹ Там же, л. 17.

²² Последнего — из-за опасения восстания в Финляндии.

²³ Там же.

²⁴ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 404, л. 221. «Справка о сношениях двух генеральных штабов по вопросам, касающимся военных действий на Южном фронте». Составлена 30 июля 1909 г. кап. 2 ранга Каськовым.

²⁵ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 147, л. 204. Особый журнал Совета Министров от 4 марта 1908 г. «О мерах к увеличению наших оборонительных сил на Кавказе».

реальные результаты многомесячной шумихи вокруг первого из созданных в 1908 г. «дипломатических конфликтов». Летом 1908 г. возник второй конфликт. В июне 1908 г. в Турции произошла младотурецкая революция, свергнувшая прогнивший режим султана. По поводу «непредвиденных обстоятельств» было созвано совещание 21 июля. Опубликованный в «Красном архиве» его протокол чрезвычайно краток (всего 1,5 стр.)²⁶. В обнаруженном нами всеподданнейшем докладе министра иностранных дел принятые совещанием решения изложены несколько подробнее. Отметив, что в случае посылки в Константинополь международной эскадры Россия может выделить для нее два корабля из состава Балтийского флота, Извольский писал Николаю II: «На случай же необходимости для нас двинуться в сторону Босфора, совещание признало крайне желательным, чтобы военному и морскому ведомствам было дано поручение безотлагательно разработать план десантных операций, имевших целью занятие и удержание Верхнего Босфора, при предположении, что сопротивление... может исходить лишь со стороны Турции»²⁷. Военное и морское министерства начали работать над осуществлением этих решений. Ход Боснийского кризиса общеизвестен. Оказавшись лицом к лицу не со слабой Турцией, а с готовой к войне Германией²⁸, России пришлось отступить перед германским ультиматумом и признать аннексию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, не получив за это никаких ожидавшихся компенсаций.

Боснийский кризис был поворотным пунктом в балканской политике России в 1907—1914 гг. Конец этого кризиса знаменовался отказом царского правительства от курса на насильственный пересмотр режима о проливах в результате единоборства с Турцией. Новый курс был определен в начале апреля 1909 г. на межведомственном совещании во главе с В. Н. Коковцовым²⁹, состоявшемся после получения ультиматума от Германии. Совещание единодушно поддержало министра иностранных дел, заявившего, что впредь «принципиально нужно исключить всякую возможность таких действий, которые имели бы характер военных мер против какой-либо другой европейской державы, и даже против Турции»³⁰. Начался второй этап ближневосточной политики России, когда она вынуждена была отказаться от захватнических планов и стремилась только к одному — сохранению в этом районе *status quo*. Однако и на этом пути царизм ждал горькие разочарования, ибо его империалистические соперники не желали считаться с продиктованной слабостью «миролюбием» царизма и активно осуществляли свои агрессивные планы. Итало-турецкая война и минирование проливов, балканские войны, и особенно миссия Лимана фон Сандерс, вынудили царизм в 1912—1913 гг. постепенно перейти к третьему этапу политики на Ближнем Востоке. Речь опять стала вестись о «разрешении» проблемы проливов вооруженной рукой. В отличие от 1907—1908 гг., планы имели две особенности. Захват проливов предполагался в отдаленном будущем (1917—1919 гг.) и не в результате дипломатического или военного единоборства с Турцией, а как итог, по крайней мере, общеевропейской войны, к которой и надо было подготовить свои сухопутные и вооруженные силы.

²⁶ А. Попов. Турецкая революция 1908—1909 гг. «Красный архив», 1930, № 3 (43) и 1931, № 1—2 (44—45).

²⁷ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 409, л. 53—54. Всеподданнейший доклад Извольского от 23 июля 1908 г. «Вполне согласен», — написал на нем Николай II.

²⁸ О том, что Германия полностью подготовлена к войне и начнет ее при малейшем удобном случае, русский военный атташе в Берлине полк. Михельсон доносил Палицыну еще в феврале 1908 г. (ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 258, л. 12).

²⁹ На совещании кроме Коковцова участвовали военный и морской министры, министр иностранных дел, его товарищ и оба начальника генеральных штабов. Доклад Николаю II о совещании. См. ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3028, л. 692—695; ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 40, л. 98—101.

³⁰ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3028, л. 692.

Итак, документы военного и морского ведомств позволяют осветить некоторые весьма существенные черты Боснийского кризиса.

Книга К. Б. Виноградова является единственной новой работой, вышедшей за последние три года по дипломатической истории первой мировой войны. Разумеется, следует всячески приветствовать переиздание монографии Н. П. Полетика. Эта «книга фактов»³¹ выдержала испытание временем. Аргументация автора и основные его выводы остались без изменения, но именно поэтому они почти ничего нового не вносят по сравнению с первым изданием (вместо четырех глав, не вошедших во второе издание, добавлена одна новая). Даже по самым скромным меркам вряд ли можно признать достаточным выпуск одной монографии (10 п. л.), посвященной хотя и очень важному, но локальному сюжету из истории международных отношений накануне первой мировой войны.

С начала 40-х годов военно-историческая литература по первой мировой войне почти перестала издаваться. 50-летие оживило интерес к этой тематике. В 1964 г. было издано пять книг различных по объему, характеру используемых материалов и по значению в исследовании проблем. Первое место принадлежит фундаментальному двухтомному исследованию коллектива историков военно-морского флота³². Две трети издания (около 50 п. л.) посвящены анализу действий русского флота в 1914—1918 гг. на всех морских театрах³³. Советский читатель впервые получил обстоятельное описание операций флота на Балтийском, Черном морях и Северном Ледовитом океане на основе архивных материалов. Исследование является крупным вкладом в историю военно-морского искусства и литературу по первой мировой войне.

Особенно удались авторам главы, посвященные действиям Балтийского флота. Главы по Черноморскому флоту (в частности II и III) написаны более схематично, без четкого определения задач операций и анализа их выполнения. Ряд частных утверждений вызывает возражения. Так, например, на наш взгляд, причины и результаты смены командующего Черноморским флотом Эбергарда Колчаком изложены не совсем объективно³⁴. По-видимому, решающим здесь явилось то, что в годы гражданской войны Колчак стал одним из наиболее активных и опасных врагов Советской власти. Но вряд ли это дает основание отрицать, что Колчак по своему профессиональному мастерству был на голову выше Эбергарда и стоял отнюдь не ближе последнего «к реакционным кругам Ставки и морского министерства»³⁵. Утверждение авторов, что в существенных недостатках в деятельности Черноморского флота были больше повинны руководители морского Генерального штаба, уделявшие мало внимания строительству Черноморского флота перед войной, а не командующий Эбергард³⁶ — плод недоразумения. Ведь именно начальник морского Генерального штаба (далее МГШ) немало сделал для того, чтобы задержать черноморские судостроительные программы. Эбергард

³¹ Н. П. Полетика. Возникновение мировой войны, 1935, стр. 5.

³² «Флот в первой мировой войне», под ред. Н. Б. Павловича, М., 1964. (Авторы первого тома «Действия русского флота» — В. И. Ачкасов, И. А. Козлов, И. Н. Соловьев, Н. М. Гречанюк, А. А. Ляхович, В. С. Шломин, К. Ф. Фокеев. Автор второго тома «Действия флотов на Северном, Средиземноморском и Океанских театрах» В. А. Белли).

³³ В трехтомной «Истории военно-морского искусства» (М., 1953) этому сюжету посвящено около 10 п. л., а в новом двухтомнике — 75.

³⁴ Попутно отметим, что общим недостатком издания является пренебрежение к характеристике отдельных военачальников. Отрицая решающую роль в истории полководцев и «великих» государственных мужей, марксистская методология несовместима с обезличиванием истории и требует учитывать, особенно в военной истории, роль того или иного военачальника. На страницах книги хотелось бы видеть характеристики морского министра Григоровича, начальника морского Генерального штаба Русина, адмирала Эссена и ряда других лиц.

³⁵ «Флот в первой мировой войне». т. I, стр. 411.

³⁶ Там же. Примечание 3.

утверждал, что слабость флотов южных соседей России позволяет «считать наше положение на Черном море... достаточно обеспеченным, а потому центром усиления сделать Балтийское море»³⁷. Даже получив сведения о намерениях Турции усилить свой флот покупкой трех новейших линейных кораблей, Эбергард продолжал считать, что судьба будущей войны «будет решаться на севере, факт отсутствия морской силы на Черном море должен нас тревожить менее, чем отсутствие таковой на Балтийском море»³⁸. По иронии судьбы с поста начальника МГШ Эбергард был перемещен на Черноморский флот, которым он командовал в годы войны не блестяще (что, впрочем, признают и сами авторы, отметив улучшение работы штаба после смены командования в июле 1916 г.)³⁹.

Эти частные замечания не меняют общего хорошего впечатления от издания. Более существенные упреки вызывает обстоятельное «Введение к первому тому». В отличие от авторов основных глав, автор «Введения» Н. Б. Павлович (редактор обоих томов и автор «Послесловия») счел возможным обойтись без ознакомления с архивными материалами. Основанием для такого решения, судя по всему, явилось наличие монографии М. А. Петрова⁴⁰. Однако сорокалетний срок, прошедший после написания этой работы, должен был бы насторожить Н. Б. Павловича. М. А. Петров ознакомился только с материалами МГШ, архивных документов о состоянии армии и финансов России он не знал, а работ по этой проблематике тогда почти не было. Поэтому все общие рассуждения М. А. Петрова (повторенные почти без изменения Н. Б. Павловичем) о роли флота в системе вооруженных сил России, об основе для их развития, о причинах несогласованности планов сухопутного и морского ведомств и провала военно-морских программ нельзя признать верными.

Слабая изученность истории развития вооруженных сил в периоды, предшествующие войнам — давний недостаток историографии. Историков больше привлекал грохот сражений, чем кропотливая и незаметная работа штабов по подготовке к войне армий и флота. Между тем в истории империалистических государств бывают такие периоды, когда забота о реорганизации вооруженных сил, о том или ином направлении их развития становится самой главной и насущной задачей правительства. Такой период наступил для царизма после русско-японской войны и революции 1905—1907 гг. Прошедшая война обнаружила ряд существенных недостатков в организации и обучении войск, армия использовала все свои запасы и была изрядно потрепана на полях Маньчжурии, почти весь Дальневосточный флот был уничтожен⁴¹. Впервые в истории царизма его вооруженные силы начали выходить из-под контроля правительства и становиться на сторону восставшего народа. Без сильной армии и флота нельзя было ни поднять упавший престиж царизма внутри страны, ни усилить голос России в «международном концерте». Для новых внешнеполитических авантур и для борьбы с народом царизму необходимо было реорганизовать и укрепить свои вооруженные силы. Вопрос о том или ином развитии армии и флота далеко выходил за пределы

³⁷ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 722, л. 35—36. Справка МГШ «Усиление Черноморского флота».

³⁸ Там же, д. 4184, л. 20. Начальник МГШ — морскому министру 18 июня 1909 г. Доклад № 131.

³⁹ «Флот в первой мировой войне», т. 1, стр. 485—486.

⁴⁰ М. А. Петров. Подготовка России к мировой войне на море, М., 1926.

⁴¹ Было потоплено или взято в плен японцами 15 эскадренных броненосцев, 2 броненосца береговой обороны, 11 крейсеров (из них 5 первого ранга), 5 морских конюсерских лодок, 2 минных крейсера, 22 миноносца, 4 военных транспорта, 8 портовых судов. Общая стоимость всех этих кораблей составляла 230 млн. руб., а вместе с артиллерийским и минным вооружением, хранившимся для флота в Порт-Артуре и доставшемся японцам, прямые материальные потери флота составляли 255 888 951 руб. золотом (ЦГАВМФ, д. 403, оп. 1, д. 1721, л. 2—4).

военного и морского ведомств и стал, по словам Столыпина, «одним из краеугольных, одним из важнейших камней» в политике «надрывающегося правительства»⁴².

Как же произошло, что, несмотря на многолетнее и пристальное внимание царизма к своим вооруженным силам, уже первые месяцы войны обнаружили плохую подготовку России к войне, а с 1915 г. начался острейший кризис вооружения? В 20-е годы в советской историографии бытовало прямолинейное объяснение: царские генералы были феноменально глупы и неопытны, военный министр Сухомлинов оказался, если не германским агентом, то уж, во всяком случае, орудием в руках немецко-австрийских шпионов. Все это в сочетании со слабостью русской военной промышленности и вызвало кризис вооружения. Ни тогда, ни позже никто из исследователей не поставил вопроса — а не сыграло ли в подготовке царизма к мировой войне роковую роль его увлечение маринизмом? Целесообразно ли было царской России при плачевном состоянии финансов и расстроенной армии выйти на второе место в Европе по размерам своего морского бюджета? Не возникло такого вопроса и у Н. Б. Павловича. Более того, он даже склонен вслед за М. А. Петровым обвинить царизм в недостаточном внимании к развитию флота: «Царская Россия, главное внимание обращала на создание мощной армии»⁴³. «Решения, принятые Советом (государственной обороны. — К. Ш.) по этим вопросам, — пишет автор в другом месте, — лишний раз свидетельствовали о непонимании большинством его членов роли флота в предстоящей большой войне»⁴⁴.

Попытаемся внимательно рассмотреть эти положения. «Подготовку русских вооруженных сил к первой мировой войне можно поделить на два периода, первый из которых длился с начала 80-х годов XIX в. до русско-японской войны 1904—1905 гг., а второй — со времени окончания этой войны и до начала первой мировой войны»⁴⁵. С этой периодизацией никак нельзя согласиться. Утверждать, что Россия начала готовить свои вооруженные силы к м и р о в о й войне за 10 лет до заключения франко-русского союза, более чем за 25 лет до образования Антанты, — значит приписывать царизму такую прозорливость, которой он никогда не обладал. Признать правомерность этого положения — значит отрицать тот факт, что с середины 90-х годов царизм начал готовиться к авантюре на Дальнем Востоке, а позже вплоть до Боснийского кризиса рассчитывал на успех в единоборстве с Турцией. Только после Боснийского кризиса были предприняты первые реальные шаги по реорганизации армии и флота. До 1908 г. шло скорее выявление состояния вооруженных сил. В декабре 1906 г. военный министр представил в СГО «План наиболее неотложных мероприятий по военному ведомству»⁴⁶. Для поднятия армии «в уровень с современными требованиями военного дела» А. Ф. Редигер считал необходимым истратить единовременно 2133 млн. руб. золотом и на 144 млн. руб. увеличить впредь ежегодные расходы. Около 900 млн. руб. единовременных расходов военный министр требовал на усиление только артиллерии. Однако, признав невозможность полного осуществления своих планов, военный министр выделил минимум «мероприятий, считаемых неотложными и подлежащих осуществлению в бли-

⁴² Доклады бюджетной комиссии Государственной думы. Третий созыв. Первая сессия, СПб., 1908, стб. 3011.

⁴³ «Флот в первой мировой войне», т. 1, стр. 30.

⁴⁴ Там же, стр. 33. В другом месте следует совсем курьезное обвинение в адрес членов СГО: «Подавляющее большинство членов Совета плохо разбиралось в сложившейся обстановке и искало такого решения задачи обороны побережья Балтийского моря, которое требовало бы минимальных затрат» (стр. 32); это свидетельствует скорее о понимании обстановки, чем о неосведомленности.

⁴⁵ Там же, стр. 17.

⁴⁶ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 82, л. 254—273.

жайшие годы». На это требовалось 425 млн. руб. единовременных и 75,7 млн. руб. ежегодных расходов.

В марте 1907 г. четыре варианта развития флота представило царю морское министерство⁴⁷. Выполнение этих программ требовало от 870 млн. до 5 млрд. руб.⁴⁸ Таким образом, совокупные претензии обоих министерств колебались от 7133 млн. до 1295 млн. руб. единовременных расходов, т. е. приблизительно от трех до половины годового бюджета на 1908 г. Кроме того резко должны были возрасти и ежегодные расходы по обычному бюджету. В апреле 1907 г. СГО, призванный координировать действия военного и морского министерств, рассматривая программу строительства флота, отказался ее одобрить⁴⁹, потребовав выработки единого плана развития вооруженных сил, в котором средства между армией и флотом должны были распределяться в зависимости от их значения для обороны. Лишь по мере восстановления армии СГО предлагал постепенно приступить к строительству нового флота. Предложение СГО было решительно отвергнуто царем, который не утвердил его журнал и в обход СГО приказал создать под своим личным председательством специальное «Морское совещание». Оно признало излишним установление какой-либо пропорции между расходами на армию и флот⁵⁰, и вскоре морское министерство получило около 120 млн. руб. на строительство четырех дредноутов в течение четырех лет (т. н. «Малая судостроительная программа»). В 1908 г. с просьбой об ассигновании средств на пополнение запасов и материальной части выступило военное ведомство. По его расчетам для этого необходимо было истратить в 1908—1915 гг. около 293 млн. руб.⁵¹ Дума согласилась в пределах этой суммы ежегодно вносить в бюджет военного министерства необходимые ассигнования. Вплоть до кануна войны эта цифра служила основой для всех расчетов военного ведомства по перевооружению армии, между тем как флот неоднократно пересматривал свои программы, все более и более расширял их, получая каждый раз одобрение царя и правительства.

Причина пренебрежения нуждами армии ради флота заключалась в том, что с развитием последнего царское правительство, Николай II связывали престиж империи и далеко идущие внешнеполитические планы. Появление нового типа линкоров (т. н. дредноутов) свело боевую ценность всех кораблей старых типов практически к нулю. Гонка морских вооружений между Англией и Германией должна была начаться с нового старта. Царское правительство могло оказаться в положении «третьего радующегося» и резко поднять свой престиж в Антанте и вне ее, т. е. как считал Извольский, «мы... приобретем большую ценность как союзник»⁵². В этом заблуждении царизм охотно поддерживали как руководители Германии, считавшие выгодным развитие русского флота в ущерб ее сухопутной армии, так и некоторые руководители Англии⁵³, всегда ревниво следившие за ростом любого флота. Позже, с 1910 г. развитие Германией, Англией и Францией турецкого флота изменило не в пользу России соотношение военно-морских сил на юге. Возникла необходимость усилить Черноморский флот, что, помимо укрепления обороноспособности побережья, соответствовало и традиционной ориентации царской России на проливы. И после 1908 г. распределение кредитов происходило с явным ущербом для армии и не соответствовало той роли, которую последней предстояло сыграть в мировой войне.

⁴⁷ См. М. А. Петров. Указ. соч., стр. 116—119.

⁴⁸ А. Л. Сидоров. Из истории подготовки царизма к первой мировой войне. «Исторический архив», 1962, № 2, стр. 126.

⁴⁹ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 26, л. 132—146.

⁵⁰ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 1372, л. 97—113.

⁵¹ ЦГВИА, ф. 1 (л), оп. 1, д. 74537, л. 1—4.

⁵² ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 1243, л. 251—269.

⁵³ АВПР. Канцелярия МИД, 1908, д. 43, л. 91.

Недовольство царя СГО, сопротивлявшегося строительству флота, стремление премьер-министра к решению только в правительстве всех важнейших государственных вопросов, аналогичная политика военного министра применительно к своему ведомству, а также критика Думой «великокняжеского засилья» привели к упразднению СГО. По решению Николая II утверждение новой морской программы и распределение кредитов между армией и флотом должны были производиться особым совещанием под председательством Столыпина. Оно проработало с августа 1909 г. по январь 1910 г. Несмотря на возражение армейцев, решено было в течение ближайших 10 лет восстанавливать одновременно и флот, и армию. Средства между ними распределялись почти поровну: 715 млн. руб. предполагалось истратить на армию (из них лишь 228 млн. руб. — на пополнение материальной части и артиллерии) и 698 млн. руб. на флот (главным образом Балтийский)⁵⁴. Программа эта не проводилась через законодательные учреждения. Согласованная программа развития армии и флота была нарушена уже в том же 1910 г. В сентябре, отвечая на усиление турецкого флота, морское ведомство потребовало и вскоре получило около 150 млн. руб. на строительство не предусматривавшихся ранее трех линейных кораблей, а также 9 эсминцев и 6 подводных лодок для Черноморского флота. В марте 1911 г. морской министр добился разрешения царя пересмотреть согласованную программу развития армии и флота⁵⁵. Уже через месяц Григорович представил Николаю II «Закон о флоте», планировавший развитие военно-морских сил России на 22 года вперед. Выполнение его должно было обойтись России в 2,2 млрд. руб. Первая часть закона предусматривала в течение 5 лет быстрое развитие Балтфлота. За этот срок попытались построить столько кораблей (4 линейных крейсера, 6 легких крейсеров, 36 эсминцев и 12 подводных лодок), сколько планировали построить в течение 10 лет. Эта так называемая «Программа усиленного судостроения Балтийского флота» была летом 1912 г. одобрена Думой. Для ее выполнения морскому ведомству ассигновали 421 млн. руб.

История с «Законом о флоте» в рецензируемой книге изложена с ошибками и нечетко. Автор утверждает, что, вследствие финансовых затруднений, «Морскому министерству не удалось добиться принятия «Закона о флоте»»⁵⁶. Это не совсем так. Николай II одобрил грандиозные планы морского министерства⁵⁷. 25 апреля 1911 г. он согласился на то, чтобы первая часть «Закона» — «Программа усиленного судостроения Балтийского флота» — была немедленно внесена в Совет Министров, а сам «Закон о флоте» «прежде внесения его в Совет Министров был предварительно разработан совместно с министром финансов для согласования финансовой стороны дела»⁵⁸, для чего была создана специальная межведомственная комиссия под председательством начальника МГШ. В конце октября 1912 г. комиссия закончила свою работу и разделила «Закон о флоте» на две части, одна из которых (состав эскадр,

⁵⁴ А. Л. Сидоров. Указ. соч., стр. 152.

⁵⁵ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 176, л. 502.

⁵⁶ «Флот в первой мировой войне», т. 1, стр. 45.

⁵⁷ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 1535, л. 15.

⁵⁸ Там же, л. 13. См. также ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 444, л. 87. Письмо Григоровича П. А. Столыпину от 1 мая 1911 г. об одобрении царем «Программы» и «Закона о флоте». Попутно отметим, что «Программа усиленного судостроения Балтийского флота» в книге названа совершенно неверно «Большой судостроительной программой». Под этим термином понимался весь «Закон о флоте», а не первая его часть, касавшаяся главным образом Балтийского флота. Отметим также неверную цифру якобы отпущенных Думой ассигнований на эту программу — 787 млн. руб. («Флот в первой мировой войне», т. 1, стр. 45). На указанных Н. Б. Павловичем страницах работы М. А. Петрова (стр. 148) речь идет о всех ассигнованиях на судостроение с 1908 г. В действительности на выполнение «Программы усиленного судостроения Балтийского флота» на 1912—1917 гг. Думой было отпущено всего 421 млн. руб. (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 444, л. 576—584).

распределение их по морям, срок службы кораблей и т. д.) должна была утверждаться царем «в порядке верховного управления страной», а вторая часть — финансовое обеспечение строительства флота — проведена через Государственную думу. 3 января 1913 г. Совет Министров Особым журналом одобрил решение этого совещания⁵⁹. Таким образом, «Закон о флоте» не только в принципе был одобрен царем и Советом Министров, но и начал осуществляться. Полностью выполнить его помешала начавшаяся летом 1914 г. мировая война.

Намного скупее финансировали армию. Всего 12 млн. руб. (менее 1/3 стоимости линейного корабля!) нужно было для того, чтобы перейти от промоздких, трудноуправляемых 8-орудийных батарей к 6-орудийным. Мобилизационный комитет вынужден был отказаться от разработанного проекта преобразования полевой артиллерии, который, действительно, внес бы значительные улучшения в организацию этого рода войск⁶⁰.

Явно недостаточно средств отпущалось и на перевооружение. Для этой цели было ассигновано Думой с 1908 г. до 1912 г. всего 215,5 млн. руб.⁶¹ Лишь в самом конце 1913 г. царь утвердил выработанную Военным министерством «Большую программу усиления армии». Согласно ей, численность армии возрастала на 117 тыс. 722 офицера и 468 тыс. 200 солдат. Число батарей увеличивалось с 639 до 1197 (с одновременным сокращением числа орудий в них с 8 до 6). Развивались и другие роды войск. На все это требовалось 433 млн. руб. единовременных и 140 млн. руб. ежегодных постоянных расходов⁶². «Большая программа» стала законом за несколько дней до начала войны, и ассигнованные средства не могли быть использованы для развития армии. Уже совещание Столыпина в 1909—1910 гг. ущемило армию, запроектировав на ее развитие за 10 лет почти столько же средств, сколько и для флота. В дальнейшем сухопутные силы вообще были оттерты на второй план. В предвоенное пятилетие (1909—1913 гг.) суммарный прирост бюджета Военного министерства составил 192 млн. 621 тыс. 756 руб., а Морского — в полтора раза больше — 270 млн. 779 тыс. 613 руб.⁶³ А ведь именно прирост бюджета шел на развитие и перевооружение армии и флота. «В русском самодержавии... — писал в 1905 г. В. И. Ленин, — авантюристского больше, чем в любой из французских империй. Самодержавие именно по-авантюристски бросило народ в нелепую и позорную войну»⁶⁴. Подобной авантюрой было и увлечение царского правительства маринизмом.

Рассмотренный нами вопрос относится не к центральной теме работы «Флот в первой мировой войне», а к сюжету, хотя и очень важному, но вводному, предваряющему главную тему исследования. Хочется высказать еще одно замечание: подобные фундаментальные работы должны обязательно иметь и соответствующий справочный аппарат, в частности хороший библиографический, именной и предметный указатели, указатель названий упоминающихся кораблей и т. д. Все это намного облегчило бы использование этой серьезной монографии.

С указанной работой трудно сравнивать книгу Д. В. Вержховского и В. Ф. Ляхова⁶⁵. Основные разделы этой книги написаны на базе работ, вышедших в 30-е и даже 20-е годы. Новые архивные материалы использованы иллюстративно.

⁵⁹ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 534, л. 24. Журнал заседаний 27 октября и 3 ноября 1912 г.

⁶⁰ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 2257, Сухомлинов — Коковцову 14 апреля 1910 г.

⁶¹ Там же, ф. 1 (л), оп. 1, д. 74535, л. 61.

⁶² Там же, ф. 829, оп. 1, д. 3, л. 410—416.

⁶³ Объяснительная записка к отчету государственного контролера за 1913 г., Пгр., 1914, стр. 37.

⁶⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 10, стр. 254.

⁶⁵ Д. В. Вержховский, В. Ф. Ляхов. Первая мировая война 1914—1918 гг., Военно-исторический очерк, М., 1964.

Особенно много возражений вызывает первая глава, которая должна, по мысли авторов, нести большую смысловую нагрузку: дать общую характеристику войны и причин, ее породивших, обрисовать дипломатическую, военную и экономическую подготовку войны, раскрыть военные планы сторон. На двух печатных листах авторы допустили не одно ошибочное утверждение. Упомянем некоторые из них. Вот как изложен «пролог войны» — Боснийский кризис: «...Австро-Венгрия захватила Боснию и Герцеговину, что вызвало взрыв национального негодования в Сербии. В ответ на это Австро-Венгрия в марте 1909 г. начала мобилизацию и концентрацию войск на сербской границе. В конфликт вмешалась Россия, выступив фактически против аннексии, и предложила созвать международную конференцию для разрешения спора между Австро-Венгрией и Сербией. Однако Россию в ее действиях не поддержали другие европейские державы, в частности Англия и Франция»⁶⁶. Читателю остается только пожалеть, что «миротворческая» деятельность царизма не встретила поддержки.

Возникновение Антанты изображено так: упомянув о реваншистских устремлениях французского империализма, авторы добавляют: «Россия также не желала допустить усиления Германии, так как при выполнении империалистических планов русского самодержавия на Дальнем Востоке западные границы России находились бы под непосредственной угрозой со стороны Германии. Поэтому Россия противодействовала германским устремлениям против Франции и при назревании конфликтов между ними давала понять Германии, что будет на стороне Франции»⁶⁷. Но ведь известно, что германский империализм был заинтересован в том, чтобы царизм увяз на Дальнем Востоке, и не только не препятствовал, но, наоборот, провоцировал царскую Россию на эту авантюру, а в годы русско-японской войны оказывал ей и моральную поддержку и материальную помощь (например, снабжая углем эскадры, шедшие из Балтийского моря на Дальний Восток). Авторы не справились с задачей вкратце осветить дипломатическую подготовку войны.

На таком же уровне написан раздел «Экономическая подготовка войны». Заявление авторов, что, «наряду с дипломатической подготовкой войны, империалистические правительства большое внимание уделяли экономическому развитию своих стран»⁶⁸ для того, чтобы встретить грядущую войну во всеоружии, ничем не подкрепляется (да и вряд ли вообще может быть подтверждено), а утверждение, что «одна из причин решительного развязывания войны Германией» заключалась в превосходстве ее «в области производства металла»⁶⁹, может вызвать только улыбку.

Давно уже назрела необходимость не ограничиваться пересказом работ 20-х и 30-х годов, а создать фундаментальный труд по военной истории первой мировой войны, подобный упоминавшейся выше работе «Флот в первую мировую войну».

Работу М. Э. Айрапетяна и П. Ф. Кабанова⁷⁰ отличает от книги Д. В. Верховского и В. Ф. Ляхова более широкий подход к проблемам первой мировой войны и несравненно более верное освещение их. Авторы не ограничились только военными сюжетами: они уделили внимание и международным отношениям, и борьбе большевиков с военной опасностью, и вызреванию в годы войны революционного кризиса в капиталистических странах. Задавшись целью ознакомить студентов и преподавателей средних школ с общими вопросами первой мировой войны, авторы вполне с нею справились. Ими создано хорошее учебное пособие, напи-

⁶⁶ Д. В. Верховский, В. Ф. Ляхов. Указ. соч., стр. 14.

⁶⁷ Там же, стр. 16.

⁶⁸ Там же, стр. 18.

⁶⁹ Там же, стр. 19.

⁷⁰ М. Э. Айрапетян, П. Ф. Кабанов. Первая мировая война. М., 1964.

санное живым литературным языком, снабженное интересными фотографиями и необходимыми схемами.

Издательство «Наука» откликнулось на полувековую годовщину войны выпуском в научно-популярной серии брошюры А. С. Силина «Преступление империализма — трагедия народов. Очерк войны 1914—1918 гг.» Вполне естественно, эта брошюра не претендует на новый вклад в изучение проблем мировой войны. Написанная в живой популярной форме, она знакомит широкий круг читателей с причинами, возникновением и ходом войны 1914—1918 гг.

Обзор литературы по военной истории первой мировой войны, вряд ли дает основание для самоуспокоения. Нельзя не согласиться с мнением одного из теоретиков и военачальников Советской Армии главного маршала бронетанковых войск П. Ротмистрова: «Первая мировая война вообще не получила достаточного отражения в советской военной историографии... Между тем история первой мировой войны представляет собой вопрос острой идеологической борьбы между историками-марксистами и их идейными противниками. Не изучен как следует и боевой опыт этой войны, хотя он содержит в себе немало поучительного»⁷¹.

Остается только надеяться, что обобщающие работы появятся в советской историографии в ближайшем будущем.

⁷¹ «Коммунист», 1964, № 12, стр. 125.

